

УДК 398(47): 81'28

ОБРАЗ ВОЙНЫ В НАРОДНОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ (по диалектным и фольклорным материалам Прикамья конца XX – начала XXI в.)¹

Иван Алексеевич Подюков

д. филол. н., профессор кафедры общего языкознания

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

614990, Пермь, ул. Сибирская, 24. podjukov@yandex.ru

Екатерина Николаевна Свалова

аспирант кафедры общего языкознания

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

614990, Пермь, ул. Сибирская, 24. svalova87@mail.ru

Рассматриваются особенности образности народной диалектной фразеологии и паремии, связанной с военной тематикой, символика народных примет к войне и бедствиям; исследуется роль традиционных и позднейших образов и символов в текстах военного фольклора Прикамья (в частушках, лирических песнях). Дается анализ концептуальных смыслов народных метафор о войне, описываются их стилистические качества, раскрывается их связь со славянскими архаическими представлениями. Делаются выводы о сохранении в поздних фольклорных военных текстах архаичного понимания войны, об активном использовании в них традиционных символов русской обрядовой и лирической поэзии.

Ключевые слова: язык и фольклор советской эпохи; языковой концепт; метафора и символ в фольклорном тексте; эстетические свойства фольклорного слова; народное языковое и символическое творчество; символика современной частушки.

В философском плане война понимается как крайняя форма проявления катастрофичности самой жизни, как воплощение исконных противоречий действительности. Ставя человека на самый край бытия, она разрушает его физически и психологически и одновременно переводит в максимально интенсивный регистр жизни. Как воплощение зла, война высвобождает в человеке слепые и разрушительные природные инстинкты (насилие, ненависть и вражда) и в то же время раскрывает (более ярко, чем мирная жизнь) такие качества человека, как благородство, самопожертвование ради другого, бесстрашие и способность преодолеть себя – в этом плане и следует понимать слова Н. Бердяева о том, что в войне кроме «озверения и потери человеческого облика» есть и «великая любовь» [Бердяев 1918: 116].

Ряд исследователей отмечает, что концепт «война», отраженный в лексике и фразеологии, в большом количестве устойчивых метафор, пословиц, фольклорных текстов, является одним из

важнейших концептов русского языкового сознания [Маслова 2004; Жуков 2005; Карасик 2002: 184]. Он связан не только с осмыслением истории, но и с представлением о смысле жизни человека, о его личностно-социальной роли, с осознанием человеком в экстремальных условиях своего места в мире.

С точки зрения образного содержания концепт «война» представлен большим количеством метафорических аналогий: война предстает как *театр*, как *игра*, как *огонь*, война как *живой организм*. В художественной речи (в творчестве В. Астафьева, Б. Васильева, Ю. Бондарева, К. Симонова, В. Гроссмана), как нами отмечено раньше, наиболее часто война уподобляется таким стихиям, как огонь (*пожар / пламя войны, война вспыхнула* – ср. также диалектное уральское *огонь 'война'* [СРНГ 22: 341]), гроза (*война гремит*), вьюга (*военная вьюга*), ветер (*ветер войны*) [Подюков 2005]. Война изображается как земледельческая работа (*страда, молочение, пахота, кузница, молот*), как машина (в таких «ме-

ханистических» образах войны, как *каток*, *машина*, *колесо*). Она символически соотносится с металлом (прежде всего, *сталью* и *железом*), с хищными *птицами*. Разнообразны также демонические образы войны, уподобляющие ее *аду*, *демоническим существам*, *чудовищам* (см. подробно: [Подюков 2005, 2009]).

Русская армия традиционно и в XIX и в XX вв. в основном состояла из крестьян, которые все происходящее на войне оценивали через призму крестьянского мировосприятия. Часто это мировосприятие не было оформлено идеологически и основывалось прежде всего на мифологических смыслах. Поэтому отраженный в языковой метафорике образ войны прежде всего заключается в ее олицетворении: *война отобрала* (мужа, отца), *война подсекала* ‘о получившем тяжелое ранение на войне’ – от *подсечь* ‘срубить, срезать снизу, у основания’ (ср. также рязан. *война собралась* ‘о начале войны’ [СРНГ 39: 164]), *война родилась* в значении ‘война началась’. Последнее выражение формируется глаголом *родиться*, в диалектах часто используемым для обозначения понятия ‘начаться, наступить, настать’ (ср. арх. *родился дождь*, *родился праздник* и пр. [СРНГ 35: 137]). Несмотря на ослабленность в этом случае метафорического соотношения, уподобление начала войны появлению на свет живого существа предполагает оценку её как явления, неподконтрольного человеку, а в связи с архаическим пониманием истоков жизни – еще и связанного с инобытием.

Образы войны в народной метафорике подчеркивают иррациональный характер войны, ее логическую неопределенность. Показательна в этом плане поговорка *война посреди г..вна*, которая оценочно характеризует и саму войну, и место ее нахождения (презрительно локализует ее в нечистотах). «Поведение» войны предстает как действие неопределенной слепой и беспощадной силы: *война крови пьет*, *война живых в могилу клонит* (ср. редкое арханг. *война склонила* ‘о гибели на войне’, где воссоздан орнитоморфный образ войны [СРНГ 28: 170]). Как обезличенная сила, война наносит вред здоровью, физическому состоянию человека: *война села на кости/на ноги* ‘о болезнях, вызванных тяготами военных лет’; *война посадила* ‘о ставшем на войне инвалидом’ (в этих фразеологизмах использованы глаголы с семантикой статичности, с помощью которой символически представляется власть, подчинение). Война способна взять силой, лишит чего-либо: *война унесла*, *война забрала/отобрала*, *война похитила*, *уволокла* ‘о погибшем на войне’. Война (как последствия от ранений) «поселяется» в человеке: *Цицас война-те то в руке, то в*

спине отрыгнётся (Сажино Бер.)²; ср. то же в выражении *война ходит* по кому-либо ‘боят, ноют старые раны, полученные на войне’: «”И мне мороженого купить, что ли?” – подумал Сергей Митрофанович, но мороженое есть боялся, всё ангина мучает, а потом сердце, или почки, или печень. Уж Бог его знает, что болит. “Война это, война по тебе ходит”, – повторяла его жена». – В. Астафьев. «Ясным ли днём».

Губительный, демонический характер войны заявлен во фразеологизме *война съела*, который указывает на способность войны уничтожить человека, не оставив от него следа. Война не просто оказывает действие на физическое или моральное состояние человека (объясняя отсутствие ноги, старый солдат в шутку говорит: *война ногу на холодец отъела* – красновиш.), на возможность вмешаться в его жизнь и даже разрушить её, она влияет на саму судьбу: *Война съела всё, она, война, съела нашу судьбу* (Усолье). Такого рода перифразы соотносятся с целым рядом диалектных характеристик смерти и тяжелых болезней: *смерть голову скоро откусит* ‘о близости смерти’, *смерть слизнула* ‘об умершем’, *корь съела* ‘о смерти от кори’. Обычно эти выражения связаны с ситуациями, когда обозначается гибель или тяжелая безрадостная жизнь, когда важно подчеркнуть причину, повлиять на которую человек не волен, – будь это понятие, стоящее за пределами личного опыта (смерть, болезнь), или даже ход истории (о чем говорит пермское *колхозы жизнь мою съели*). Фразеосюжет активно включается прежде всего в изображение трагической гибели – в выражениях уральск. *гора съела (изжевала)* ‘о засыпанном в шахте’, *болото съело* ‘об утонувшем в болоте’.

Народный взгляд на сущность войны в разных жанрах фольклора имеет свою специфику. Как отмечает Ю. А. Эмер, в разных жанрах фольклора реализуются свои доминантные смыслы, раскрывающие концепт войны [Эмер 2012: 97]. В частушках в центре внимания оказывается само переживание героиней разлуки, ранения, гибели любимого, глубоко личное восприятие войны бойцом или ждущими его родными. Песни же содержат сюжетно оформленные темы героизма, выражают переживания о невыполненном солдатском долге, рассказывают о предательстве возлюбленной и пр. Эти темы представлены в песнях как оценка событий войны социумом (см. подробно: [Эмер 2010, 2012]).

В таком жанре народного творчества, как примета, наглядно проявляется мистическое восприятие войны. Многие из примет, подчеркивая противоестественность войны, ее несоответствие жизни мира, фиксируют сведения о разнообраз-

ных природных аномалиях: заморозки летом, сильные ветра и ураганы: *Посреди почти что лета мороз вдруг пал* (Юрла); *К войне был сильный ураган, лес весь свалило, что пройти нельзя* (Сёйва Гайн.); появление в деревнях в большом количестве лесных зверей – зайцев, белок, волков: *Белки перед войной много было, прямо в огороды шли, по крышам, к войне зайцы по деревне бегали прямо по огородам* (Юрла); *Перед войной было много волков, и они сильно были* (Нытва). Скорее всего, появление такого рода примет связано с известным эффектом аберрации памяти, когда более поздняя информация накладывается на ранние впечатления (количество диких зверей скорее всего возрастало в связи с тем, что во время войны на них просто некому было охотиться). Важно, однако, и то, что образы примет в традиции тоже тесно связаны с идеей смерти. Волк, например, играл роль носителя зла во многих мировых мифологиях, особенно почитался воинственными народами (еще древние римляне верили, что волки показываются перед битвой). Славяне также считали, что волки связаны с миром мертвых.

Понималось как знак войны необычное поведение домашних животных: *Перед войной свиньи всю землю изрыли во всей деревне* (Вильва Сол.). Примета используется и в более широком значении: *Свинья роет землю – быть беде*. Разрытая земля ассоциативно связывалась с могилой; ср. в связи с этим: *Если свинья выроет яму перед чьим-нибудь домом, то в этом доме следует ожидать покойника* (Карагай). Приметой к войне считалось появление редких лесных животных, птиц: *Перед войной филин рывкал, как баба, ухал* (Красновишерск). Филин, ночная хищная птица, считался у славян нечистым; известно, что его громкие крики пугающе действуют не только на людей, но и на животных. Аналогично приметой к войне считалось появление удода (пск. [СРНГ 7: 211]) – птицы, редко показывающейся человеку и к тому же отличающейся омерзительным запахом. Обилие рыбы, бабочек, грибов также считалось недобрым предзнаменованием: *Щука перед войной шла. Это вообще так, когда много щуки, не к добру. Опасная она. Которы её и щукой-то не называют, только сукой* (Ощепково Ус.); *Перед войной было очень много белых бабочек* (Карагай); *Мама говорила – перед войной грибы белые шибко были. И мама мне тоже говорила: война неизбежна* (Мухоморка Юрл.). В поверьях о щуке отразилось распространённое в народе наделение ее чертами демоничности; отмеченное информантом соотнесение щуки – сука следует рассматривать не только как проявление звуковой близости назва-

ний, но и как использование оскорбительной лексики в функции оберега. Примета с бабочками, безусловно, связана с тем, что бабочка в славянской символике олицетворяет душу; грибы в народе воспринимались как «выходцы» с того света (о чем, в частности, говорит примета *Много грибов – много гробов*).

Значительный пласт примет связывает войну с космическими аномалиями: с изменением цвета неба, с появлением на небе видений и особых цветовых и световых фигур. В ряде случаев эти признаки проявляются в совокупности. Например, как предвестник войны воспринимается необычный свет ночного неба: *Перед войной было, небо разделилось ночью на две части, светло-светло стало, и чего-то падало на поля, камень какой-то. «Небо взволновалось», – родители так говорили* (Шварёво Ус.). Фиксируется в одной примете одновременно светлый (ясный) цвета неба и красный – «один из основных элементов цветовой символики, выступающий в оппозиции белое – красное (противопоставлен белому, светлому как не-белое, “окрашенное, темное”») [СД 2: 647]. Такой переход от светлого к темному (в контексте светлого – божественного, красного – наполненного жизнью, радостью, энергией) в приметах может интерпретироваться как переход от предвоенного времени к концу войны: *Полосы на небе перед войной ясные были. Войне-то уж кончиться, дак красное-красное небо стало* (Лидино Окт.).

В качестве предвестника войны выступает небо, окрашенное в красный цвет, или небо с красными полосами, где красный цвет соотносится уже с цветом крови: *Перед войной небо вскрылось, красное всё стало* (Романово Ус.); *Перед войной небо было как кровь красное* (Зинково Кос.); *Перед войной всё небо было в красных полосках, длинных, и как будто бы люди по ним с ружьями ходили* (Чуртан Гайн.). Иногда информанты сообщают о луне необычно красного, кровавого цвета (Красновишерск), о появлении на небе красной буквы «В» (Карагай). В этих приметах проявляется древняя идея участия природы в жизни человека (архаичное представление о единстве человека и мира). Отмеченные в них изменения предвоенного неба человек обозначает через олицетворения: *небо взволновалось, небо затряслось, свет ходит: Перед войной небо сияло разными цветами, столбами свет ходил по небу* (Юм Юрл.); *Перед войной столбы ходят по небу цветные, как радуга ночью* (Калинино Кунг.); *Перед войной мы на поле жали, на небе видели такие облака – как люди, как полки идут. Потом небо затряслось, и свет пошёл – иголку на поле найдёшь. Потом всё ушло на за-*

над, и солнышко выстало. Так и решили, к беде (Григорьевское Нытв.). Обращает на себя внимание определенная художественность таких текстов, в этих приметах используются сравнения (*небо красное как кровь, столбы как радуга*), фразеологизмы (*свет пошел – иголку на поле не найдёшь* – это выражение связано с диалектным фразеологизмом *хоть иголки собирай/ подбирай* ‘о ярком освещении’).

Упоминаются в приметах о войне особые свечения вокруг небесных тел: *Перед войной круги вокруг солнца были, много, много* (Осинцево Киш.); северное сияние, переход на небе от одного цвета к другому: *Сияние тай говорили. Синее сверкнёт, потом опять как молния, и всяко делается, делается, делается. Говорят: ой-о, это ведь северной сияние, война будет* (Лупья Гайн.); *Северное сияние я видела перед войной. Красного цвета, потом белый стал. И как лошадьми видно было, лошадьми показывалось. Это уж плохой знак. Перед войной!* (Мысы Гайн.). Примета эта широко распространена; близкую войну предвещают, по народному поверью (вятское, вологодское, олонекское, тверское, иркутское [СРНГ 5: 210]), лучеобразный свет, движущиеся светлые столбы северного сияния. Приведенный текст включает еще и рассказ о небесном коне, который соотносится с известными видениями, открывшимися св. Иоанну Богослову (в том числе конь, олицетворявший собой смерть). Война, таким образом, интерпретируется еще и как проявление Божьего суда.

Известный также по Откровениям Иоанна знак – отверстие, открытое небо. Этот сюжет получил в народной культуре особенно широкое распространение: *Перед войной, я помню, так таинственно, так страшно, жутко прямо, мурашки по спине, народ собирается <...> смотрели, небо открывалось, открывалось вот на этой стороне, на южной. И там изображение Богородицы показалось. Говорили – это я помню, маленькая была. Видимо, было, говорили старые-то люди. А мы чё, маленькие, слушаем. Не ночью небо открывается, днём* (Верх-Язьва Красновиш.); *Перед войной сколько было знаменев... И пришла на небе Пресвятая дева Мария с хартиями. Открылось небо, просто открылось* (Бырма Кунг.). В традиционной культуре «общеизвестно поверье о том, что небеса открываются в канун определенных дней и праздников», «открытие небес создает возможность сообщения между «горним» и «нижним» мирами» [СД 3: 379]. Данный мотив фиксируется в массе рассказов о необычных явлениях на небе; на Урале распространено понимание образа раскрытого неба как особого акта снисхождения на

человека Божьей благодати. Верующие на Крещение стараются увидеть ночью открывшееся небо с выходящими сполохами; тот, кто видел это, мог просить у Бога помощи. Сюжет об открывающемся небе, следовательно, может осмыслиться и как знак некоего божественного провидения. Наглядно этот смысл очевиден в следующем рассказе: *Ранило меня шибко, лежу и вижу этто – будто небо растворилось, а оттудова лишанка [лесенка] спускается, а по ей баба молодая, вся белая, красивая, а за ей мужик в чёрном, а в руке у его книжка, а в другой кадило серебряно. Спустились бы они и к убитым подходят, взаупокое поют. Подошли ко мне да за здоровье спили [спели], туто у меня круги в голове сделались, после я вроде уснул, а проснулся – никого нету...* (Н. Язьва Красновиш.). Идея разверзания природы и высвобождения этим ее сил, способных выступить то как гнев, то как милость и благо, реализованная в сюжете, также передает устойчивое народное представление об участии неба, космоса в человеческой судьбе (ср. близкий сюжет: *А вот это перед самой-то войной тожно было. Я тогда в девках была, мне никто не верил. На мостик вышла, небо открылось, и вижу: на кромочке ходит солдат с ружьем. Упреждало, видно, что всё равно война будет* (Б. Кусты Куед.).

Внезапное появление на небе разных знаков, образов и даже картин в разные эпохи истолковывалось как божественное знамение. Верили, что быть войне, если на небе видели большие кресты, пересекающиеся белые столбы (Нытва), особые пятна: *Перед началом Великой Отечественной войны на небе видели голубое длинное пятно* (Карагай). В описаниях част сюжет о появляющемся силуэте женщины, подметающей метлой небо: *Перед войной видели женщину на облаках. Она своей метлой подметала небо. Вот нас всех и повымели из домов, когда война началась* (Сейва Гайн.). «Видение» информант не просто описывает, но и пытается объяснить логически, разворачивая образ метлы – хозяйственного предмета, с помощью которого здесь выгоняются люди из домов. Метафорическое *повымели* указывает на безличный, беспощадный характер действия: на фронт забирали всех подряд, оставляя лишь физически неспособных; многие покидали дома навсегда (ср. известное выражение *гнать, выгонять метлой* ‘прогонять, выпроваживать’). Образ метлы в приметах о войне связан с тем, что в прошлом *метлой* называли комету – предвестницу потрясений и катастроф: *Огненная метла казалась на небе – значит, большое переселение народов будет. Перед войной так было* (Н. Язьва Красновиш.); *Перед*

войной как метла по небу круг делала, проскакивала (Полва Кудымк.). Известно, что накануне самых тяжелых войн на небе действительно появлялись кометы (т. н. *Волосатая звезда* накануне Куликовской битвы, *Великая комета* перед войной 1812 г., комета Галилея перед Первой мировой войной; накануне Великой Отечественной войны появлялись даже три «хвостатые» кометы).

Зачастую на небе видят не одного человека, а группу людей: *Перед войной какие-то облачка ходили и вот там на них начало казаться как люди* (Молебка Киш.). Непосредственно с военным временем связан образ военных: *На небе видели такие облака – как люди, как полки идут* (Григорьевское Нытв.); *Перед войной всё небо было в красных полосках, длинных, и как будто бы люди по ним с ружьями ходили* (Чуртан Гайн.). Отмеченные приметы напоминают распространенные в прошлом гадания по облакам (т. наз. аэромантию); поскольку в мифологии облака символизируют божественное присутствие, божественные покровы, по ним предсказывали не только погоду, но и судьбу.

В целом ряде случаев образами грядущей войны становятся мистические персонажи в человеческом облике. Известен, например, рассказ о том, что перед войной в дома тех, кому идти на войну, заходил некий старичок невысокого роста, с седой бородой, который всем говорил: *«Я пришёл оттуда, откуда не ворочаются»* (Нытва), или рассказ о встрече с лешим в женском облике: *Перед войной, как на войну забрали, отец в лесу видел лешего. Юбка на нём, говорит, женская, юбка длинная, до полу* (Пермь-Серьга Кунг.). Любопытен рассказ о казавшейся в лесу женщине в красном: *Перед войной видели у нас тут в лесу женщину в лесу. Пошли. Видят, сидит на пенёчке незнакомая женщина, вся в красном, плачет, сидит. Это к войне казалось* (Григорьевское Нытв.). Символический смысл упомянутого красного как демонического проясняет отмеченный в Прикамье запрет на одежду красного цвета в войну: *Красну юбку носить нельзя женщине, которая мужа проводила на фронт, а то мужа на войне убьют* (Н. Язьва Красновиш.).

Целый ряд историй связан с тем, что видения о войне показывались в том числе и в церкви: *В середине войны верующие люди в церкви видели гроб, до середины наполненный кровью. Говорили, что, когда гроб наполнится кровью до краев, тогда и война закончится* (Лысьва Ус.). Примечателен в этом же плане рассказ о том, что летом 1914 г., перед войной, ежедневно с сумерек до полночи люди слышали хоровое пение *«господней планиды»* (иркут. [СРНГ 27: 81]; слово пла-

нида здесь развивает диалектное значение и обозначает не только падучую звезду, метеорит, но и Богом предрешенную судьбу). Подобных устных рассказов религиозно-мистического характера, где Бог предупреждает о войне и вступает за людей, фиксируется достаточно много: *Когда человек рождается, даётся ангел человеку, звезда. И ангел охраняет человека. И во время войны. Вот война была, один солдат пришёл с фронта. Всю войну прошёл и пришёл домой. Пришёл и говорит матери: «Мать, ты за меня, наверное, молилась. Я всю войну прошёл, стреляют, я двадцать пять шинёлок сменил. Всю шинёлку исстреляют, а тело целое». Вот мать молилась за него, и его Бог хранил, его пуля никакая не брала* (Красный Яр Киш.). Текст наглядно иллюстрирует рост религиозных настроений во время войны: в опасной, непредсказуемой, угрожающей жизни обстановке человек ищет психологическую опору в вере.

С желанием психологически адаптироваться к не зависящей от воли человека ситуации связано и обращение к разнообразным формам гаданий. Так, в следующем тексте об исходе войны рассказывается о редком гадании по отсветам на потолке: *У меня мужик рассказывал, что у них смотрели чё-то на потолке. Вовсе ничего не гадали, смотрели. Светят и глядят. На потолке, говорит было написано «1945 год». Вот в 45-м году война кончилась* (Полва Кудымк.). Узнавали об исходе войны по снам: *Перед Благовещеньем мама стала утром, печку затопляла. Потом ко мне подходит. «Не спишь?» – говорит. Видела, говорит, во сне. Пришла женщина и сказала: «Война кончится после Благовещенья* (Тюинск Окт.). Рассказ отражает народное представление о том, что именно на Благовещение снятся вещие сны. Еще один текст сновидения строится на разворачивании символа горы – горы: *У нас одной женщине приснилось, что на самом верху Полуд-горы сидят два мужика с топорами. Сидят, рубят гору, рубят – только искры. Она проснулась, рассказывает – к чему это? Ей тут баушка одна говорит: «А сколь прорубили, много ли?» – «Да половину камня прорубили». – «Ну и считай, два года война идёт – и ещё два года будет...»* (Красновишерск).

Приведенные в приметах, в народных мистических историях свидетельства связаны с народным пониманием войны как акта божественной воли. Война в народном сознании не следствие деятельности людей, а стихийное бедствие, божья кара. Отмечаемое в приметах и мистических рассказах разнообразие народных деформаций христианской религиозной традиции (в том числе и в формах, практически соотносимых с язы-

ческими) объясняется тем, что бытовая народная религиозность всегда была окрашена языческими формами. Важно и то, что религиозность оказалась существенно деформированной в российском обществе XX в. вследствие диктата государственного атеизма.

В лирическом военном фольклоре, в песнях и частушках, не так много места уделено собственно войне и сражениям; в центре внимания в лирике находятся чувства и мысли героев. Редко повествуется в них о воинских подвигах, почти не встретишь здесь живописаний сражений (если только это не пропагандистские, наспех сколоченные тексты типа *У меня милёнок был, звали его Ваню. Девяносто два налёта сделал на Германию*, где лирическая тема никак не обозначена: неясно, например, почему о миленке говорится в прошедшем времени). Даже в частушках о победе чаще звучит не тема народного ликования (*Сорок пятый год счастливый, да ещё девятый май. Милый пишет из Берлина – дорогая, ожидай*), а горечи, связанной с потерей любимого, сверстников (*Все военные и пленные являются домой. Моего-то ягодиночку засыпало землёй; Девушки, весна, весна, девушка, победа. Нам остались с тобой три старенькие деда*).

Представленные в частушках ситуации достаточно условны. В частушке *Я сегодня милого на эрплане видела. Бросил маленьку записочку – «Воюю, милая»* героиня чудесным образом «видит» милого и получает от него весточку о том, что он жив и воюет. Чаще, однако, она узнает о нем из писем: *Я по бережку иду, письмо читаю и реву. Ничего боля не пишет, только пишет, что в бою*. Главная эмоция текста – слезы девушки, которые вызваны страхом за милого, находящегося в смертельной опасности. Используемая в зачине формула «я по бережку иду», типичная для народной любовной лирики (встречается в многочисленных текстах типа *Я по берегу ходила, в речку любовалася. Сказали, к милому ходила, замуж набивалася; Я по бережку иду, выговариваю «ю»*. Хорошо завлёка высушил соперницу мою), имплицитно выражает желание любви.

В текстах частушек редки названия мест военных действий – обычно упоминаются те, которые отличались тяжелыми боями. В частушке *Больше разу не надяну кофту-украиночку: у меня на Украине ранили болиночку* по белой вышитой, нарядной кофте героиня вспоминает об Украине (в начальный период войны здесь велись тяжелые оборонительные, а в 1944 г. освободительные бои). В частушке *Ягодиночку поранили у Вислы у реки. Три часа лежал без памяти, без правыйё руки* запечатлена память об ожесточенных боях при развитии наступления советских

войск летом 1944 г. (прорыв немецкой обороны на Висле Первым Украинским фронтом). В частушке *На Калининском на фронте ранили милёночка, положили на машину, повезли тихонечко* содержится указание на действовавший в 1941–1943 гг. в Центральной России и в Белоруссии Калининский фронт. Примечательно использование этого названия в следующем тексте: *Ягодиночку убили на калиновых фронтах. Заряжённая винтовочка осталась в руках* (ср. также окказиональное применение определения к слову вокзал: *На Калининском вокзале много слёз оставила, чернобрового мальчишку в армию отправила*). Здесь название фронта соединено с традиционным фольклорным эпитетом *калиновыи*, который, как известно, связан с символом переходности *калина*, с традиционным фольклорным способом представления границ между мирами [Водарский 1916: 1–17]. Символ (чаще – в устойчивом образе *калинова моста*) реализуется в обрядовом фольклоре со сложным «соединительно-разделительным» значением (ср. в уральской свадебной песне *Находилась по калиновым мосточкам, нагулялась в зеленых лугах*). Этот смысл наследует любовная (*Мы с милашкой расставались на калиновом мосту. Поцелуи раздавались – было слышно за версту*), а затем и военная частушка; в последнем случае образ выявляет главную мысль текста о том, что сила любви особенно ощутима в связи с ее утратой.

По большей части частушка рассказывает о походном быте солдат по тому, как он представляется лирической героине – одним, двумя штрихами. Героиня обычно не знает, где ее любимый (*Написала бы письмо, не знаю адреса его. Не знаю роты, батальон, не знаю, где теперь он*), чем он занят (*Где ты, миленький, воюешь, где ты ходишь, где ты спишь. Может, в лесике зелёном с пулемётником сидишь*). Место боев может быть условно обозначено известным символом страданий *высокая гора* (*Мой-то миленький воюет на высокой на горе, гимнастерочка зелёная, винтовочка в руке*).

Девушка представляет милого читающим ее письмо (*Ягодина на позиции – румяное лицо, навалился на винтовочку, читает письмецо*); образ милого при этом идеализирован (*румяное лицо*). О идеализации свидетельствует также распространенное указание на то, что милый «воюет на коне» (*Мой-от милый на войне, он воюет на коне. Он воюет где-то там, а я здесь дробю дам*). В этом случае может быть усмотрено не простое указание на службу героя в кавалерии, а использование древнейшего культурного мотива «всадник на коне», в результате чего возникает почти лубочное представление о герое (ср. фразеоло-

гизм *быть на коне* 'находиться в благоприятных, удачно сложившихся обстоятельствах, в положении победителя'). Радость героини по поводу побед милого подчеркивает здесь выражение *дать дробь* 'весело, задорно сплясать'. Близкая по смыслу частушка *Мой залеточка в бою, а я здесь припою. Ты вой, мой чернобровый, пулемётчиком в бою* проясняет заложенный в этих текстах смысл: песней, танцем героиня передает своему милому позитивный настрой.

Образ условного коня использован во многих текстах (*Дайте дролечке винтовочку и серого коня. Он убьёт заразу Гитлера и кончится война; Ты, товарищ Тимошенко, дай мне серого коня, дай винтовку боевую – воевать поеду я*). *Серым* в реальности обычно называют белого коня светло-серой масти (поскольку определение *серый* является не цветовой, а световой характеристикой). Особое почитание коня светлой масти отмечено во многих мировых культурах, в традиционных культурах *серый* известен как цвет магической силы (в противоположность обычной языковой семантике *серое* – бесцветное, простое, невзрачное). Одной из причин формирования у этого цветоопределения ассоциаций с исключительным, мистическим, сверхъестественным стала, вероятно, способность слова *серый* обозначать «ненаблюдаемый признак» [Мурзо 2002].

Главные мысли девушки – о том, чтобы милый на фронте не забыл её (*Милый в армии живёт, винтовочку наносит. Я надеюсь на него, что он меня не бросит*). Интересно, что героиня «устраняется» от описания подробностей того, как, с кем воюет ее милый: он даже не воюет, а *живет*, не стреляет во врага, а *наносит* винтовку, т.е. просто наводит, направляет ее. Она беспокоится, как выглядит ее милый, идет ли ему военная форма (*Ёлка на восемь полей, ёлка, елка, елка, ель. Поглядела бы на милого, пристала ли шинель*). Здесь милого напомнили девушке зеленые ели, окружающие деревню). Героиня хочет развеять его скуку (*Скучно милому мому сидеть в окопе одному. Кабы лёгонькие крылышки, слетала бы к ему*), помочь ему (*Мой милёночек танкистом, возле самого руля. Если, милый, тебя ранят, поведу машину я; Кабы знала, девки, я в Германию тропиночку, увела бы я из плена милку ягодиночку*).

Отдельная тема военных частушек – письма. Чаще всего в них говорится о страдании разлученных войной любимых: *Милой пишет: «Надоели сапоги военные». Мне, девчонке, надоели дроли переменные*. Напрямую страдания могут быть не выражены, состояние косвенно передается через образ надоевшей военной формы (ср. также: *Милый пишет: «Надоела шапочка-*

пилоточка). *А мне тоже надоело без тебя, залёточка*). Частушка *Получила я письмо в коноверте синеньком, прочитала и заплакала – далеко миленькой* содержит образ синего конверта, перекликающийся с центральным символом лирической песни времен Великой Отечественной войны «Голубой конверт» (1941 г.; в этой песне на стихи В. Замятина говорится о солдатских подвигах: «*О смелых ребятах, о грозных атаках расскажет конверт голубой*»). Частушка *Получила письмецо, цензурой проверено, на обратной стороне – «Ни с кем гулять не велено*» содержит категорический запрет девушке думать о других (императивность создается отсылкой к военной цензуре и официальностью безличной формулировки *не велено*). Текст надписи, скорее всего, вымышлен и служит развитию любовной темы (обычны в прошлом были надписи-пожелания на конвертах типа «*Привет почтальону*», «*Лети с приветом*»).

Обширный пласт военных частушек – тексты о погибшем милом: (*Все военные и пленные вернулись домой, а моя-то ягодиночка лежит в земле сырой; Вон машина идёт, машина пятитонка. На машине везут убитого милёнка; Сяду в лодку, поплыву по морю Ледовитому. Зареву, паду на грудь милёночку убитому*). Акцент на описании трагических ситуаций, смерти любимого объясним: чувство трагического оказывает «очищающее» влияние, облагораживает человека – заставляет его отрешиться от повседневных мелочей жизни. Об этом говорят и тексты о ранениях, в которых выражается сострадание к милому (*Болю ранило гранатой – выпала винтовочка. Горячей кровью облилась зелёна гимнастёрочка*), жалость к себе (*Я на розову подушечку не лягу с милым спать – у милого ручка ранена, не станет прижимать*). Героиня обращается за помощью к Богородице (*Пресвятая Богородица, милёночка спаси. На войне пули летают, пули ветром относи*), заклинает пули лететь мимо (*Пуля, выше, пуля, ниже, пуля, делай перелёт. Неужели злая пуля в поле милого найдёт?*).

Как и во многих военных песнях, в частушках герой часто говорит о своей неминуемой гибели. Такие тексты отражают феномен солдатского фатализма, степень которого в войну возрастает по сравнению с мирным временем. На войне ценность человеческой жизни как таковой нивелируется, притупляется и чувство самосохранения; долгое пребывание человека перед лицом смерти делает ее привычной (*О-хо-хо, в окопы гонят, о-хо-хо, убьют меня. Ну кого же будет слушать чернобровая моя?*). Типичны в этом плане фразы *всё равно на фронт придётся да мне в сырой земле лежать, придётся бедному*

мальчишке под винтовкой умирать. Воин уверяет себя в руки таких сверхъестественных сил, как судьба, Бог, перестает бояться смерти. Безусловно, в этом случае действует один из сложных адаптивных механизмов, когда психика человека освобождается от избыточных эмоций. Нельзя также не признать отражение в текстах, где герой уверен в своей скорой гибели, осознания воином своей жертвенности: *Благослови, отец и мать, пойду с германцем воевать; свою голову положу – мне-ка дома не бывать.*

Примечательная особенность военных частушек – сравнительно малое количество текстов, в которых содержатся обвинения, проклятия в адрес врага. Враг представлен чаще всего нейтральными этнонимами *немец (Кабы с немцем не война, с милым не рассталась бы), германец (Мой милёнок на войне с германчима дерётся).* Обозначенный этими словами обобщенный образ врага имеет национальную окраску, хотя в народе хорошо известно, что не все немцы фашисты. С одной стороны, эти обозначения связаны с унаследованным идеологическим стереотипом военного времени, когда вся клика Гитлера отождествлялась с германским народом (газеты и плакаты призывали «убить немца», «скинуть немецкий гнет», «очистить землю от немецких оккупантов» и пр.). С другой стороны, народная частушка редко изображает врага в отталкивающем образе. Часто применительно к врагу используется определение *несчастный (Разнесчастные германцы, подождите воевать, отпустите ухажорика на вечер погулять).* Оцениваемая как источник бед Германия, оставившая девушку без милого, называется также *несчастливая (Разнесчастливая Германия сгорела бы огнём. Мои милёнок в Красной Армии, скучаю я по нём).* Наиболее сильные негативные оценки представляют врага в образе человека в изорванной, изношенной одежде (*Ты, германец, оборванец, перестань-ка воевать, отпусти ребят жениться, девок некуда девать*). Лишь в пропагандистских текстах, которые были призваны поднять боевой дух армии, осмеять противника, возникают образы, подчеркивающие его агрессивность, низость, жадность (*Немец лез на Сталинград на дальний чин полковника, а теперь немецкий гад в звании покойника; Сидит Гитлер за столом, лопает картошку. Гитлерята под столом собирают крошки*).

Как отмечает в своих работах Ю. А. Эмер, в отличие от художественных текстов, образы войны, составляющие фольклорный концепт, немногочисленны [Эмер 2010, 2012]. Осмысление войны в символах народной лирики мотивировано прежде всего тем, что именно символ

способен наглядно представить понятия, не поддающиеся аналитическим формам познания. Набор символов в военной частушке в целом тот же, что и в лирической, любовной: наиболее часты здесь растительные, стихийные, птичьи символы. Способы их введения в тексты разнообразны, но чаще всего имеет место использование традиционного для народной поэзии приёма сопоставления двух явлений путём параллельного их изображения (по принципу как логического, так и психологического параллелизма). Так, используемый в тексте *Во позиции, в окопах зеленеет ёлочка. Там убьют и похоронят моего милёночка* образ зеленой елочки служит не столько для создания пейзажного фона, сколько для подчеркивания темы смерти. Ель как дерево предков была связующим звеном между миром умерших и миром живых и потому широко представлена в похоронно-поминальной, свадебной, апотропеической, продуцирующей обрядности. Как символ вечной памяти и вечной жизни, этот символ отмечен и в народной речи (ср. пермские диалектные фразеологизмы *ёлочками дорогу выстлать* ‘проводить в последний путь, похоронить’, *уйти в ёлки* ‘умереть’).

Частушка соотносит войну с разрушительной природной стихией (*Речка Кама, речка Кама, речка Кама разлилась. Только зла война не кончилась, другая началась*). Акватический образ неуправляемой стихии, контакт с которой оборачивается испытанием смертью, несчастьем, част в традиции. В известной песне «Разлилась Волга широко», например, зачин предваряет описание страдания героини, которую навек оставляет милый. В частушке *Милый в армию поедешь, погляди, кака вода. Это я слезьми наполнила крутые берега* использован образ слезовой речки, который отмечен и в обрядовой поэзии, и в военных песнях. На противопоставлении *медовой* и *слезовой* речек строится, например, свадебная песня о жизни девушки-невесты у матери и в чужой стороне, и старая солдатская песня о Дуняше: солдаты зовут Дунюшку с собой, обещая ей привольную жизнь, *речки медовые, горы восковые* (на что она отвечает: «*У вас горы земляные, текут речки слезовые*»). Соответствие свадебной и солдатской песен неслучайно. Как отметил А. К. Байбурин, обряд проводов в армию «во многом копирует свадьбу (и альтернативен ей), причем роль рекрута сопоставима с ролью невесты» [Байбурин 1993: 64]. Та же идея отражена в частушке, где рекрут уподоблен невесте (*Повезут меня в солдаты, как невесту из ворот. Заревёт родима маменька, заплачет весь народ*).

Соответственно смерть в частушках и в песнях часто предстает как обряд заключения брака.

Устойчивы песенные аналогии винтовки как *верной жены*, сабли как *свахи*, штыка как *дружки*: *Перва сваха – сабля востра; Женила его пуля быстрая, обвенчала его да сабля острая; Наши свахи были шахи, а штыки были дружки*. В этом же плане солдатская сабля называется *сашка-лиходейка*, в ряде текстов название (за счет диссимилиации звука [ш]) разворачивается в имя невесты (*За Кубанью за рекой да там казакот гулял, да не один казак гулял, все с товарищами, все с товарищами да с милой Сашенькою, с милой Сашенькою да с острой сабленькою*). Герой частушки также соотносит милую и винтовку (*Кому шапочка боброва, мне фуражка с козырьком. Кому милка черноброва, мне винтовка со штыком*), он «разговаривает» с ней (*А ты, винтовочка, винтовочка, не ляжешь со мной спать. Не молоденька девчоночка, не станешь обнимать*), прижимает ее к сердцу (*Долго-долго я в окопах, долго-долго я стоял. Вместо милочки винтовочку к сердечку прижимал*).

Активны в военных частушках зачины, характерные для любовной частушки. Таков образ тонущего коня (*Карько тонет, Карько тонет, Карько тонет на воде. Нас угонят, не пригонят, похоронят на войне; Бурко тонет, бурко тонет во холодной во воде, нас угонят, похоронят на чужой на стороне*). В собственно любовных текстах героиня призывает коней утонуть, чтобы выплыл милый (*Тонут, тонут пара коней, тонет мой милёночек. Утоните, пара коней, выплывай, милёночек*) (ср. в более позднем варианте, призванном логически прояснить смысл зачина (*Тонут, тонут пароходы, тонет мой милёночек. Вы тоните, пароходы, выплывай, милёночек*)). Вариант о тонущем коне, вероятнее всего, исходно связан с идеей коня как жертвенного животного. Конь – одно из наиболее мифологизированных животных, воплощение связи с миром сверхъестественного. Связь коня с водой носит общеиндоевропейский характер (мотивирована, вероятно, уподоблением течения рек быстрому бегу коня). По М. Элиаде, поскольку конь отождествляется с Космосом, его жертвоприношение символизирует (т.е. воспроизводит) акт творения [Элиаде 1999].

Использование позднейшей частушечной символики иллюстрирует частушка *Износила я галоши, пятый номер «Проводник»*. *Я про милого узнала, он в Германии убит*. Текст содержит образ галош, некогда модной и престижной для деревни обуви. Галоши со временем стали использоваться как символ щегольства и благополучия (*Мой-от миленький хорош – он не ходит без калош; Все хороши при галошах, все баские при часах*). В ряде текстов они, как и другие ви-

ды обуви, получают дополнительный смысл (напр., в частушке *Милый мой, галоши спали, под горой остались. По какой же мы причине, дорогой, расстались* потеря обуви символически означает расставание, прекращение любовной связи). В военной частушке упоминаются «галоши, пятый номер “Проводник”», и это упоминание позволяет возвести текст еще к началу века (галоши выпускались с первого по двенадцатый размер; в первой четверти XX в. рижская фирма «Проводник» была одним из конкурентов московской фабрики по производству галош «Красный треугольник»).

Встречается в военных текстах частушечный символ *гребенка*, женский гребень для волос (*Моя чёрная гребёночка сгорела на огне. Мово милого, хорошего убили на войне; Относила я гребёночки на буйной голове, отлюбила я милёночка – убили на войне*). «Жертвенное» сжигание гребенки как акт прощания с ушедшей любовью отмечается в собственно любовной частушке (*Вижу, вижу, дым валит – моя гребёночка горит. Гори, моя гребёночка, отстала от милёночка*). Смысл мотива становится ясным, если учесть, что гребенка в прошлом считалась обязательным предметом приданого невесты, подарком жениха, была даже признаком богатства (*Моя милка как картинка, волоса как тёмна ночь. По семи гребёнок носит, как купеческая дочь*). Прощание с гребенкой – своего рода ритуальное прощание с прошлым. Такому пониманию столь обыденного предмета способствовало и то, что гребню с давних пор придавались магические функции защитника. Как и другие острые, колющие предметы, гребень имел апотропеическую семантику, и его обереговая символика усиливалась за счет фоновых представлений о заключенности в волосах, с которыми он контактировал, жизненной силы (о почитании гребешка, использовании в магии и колдовстве см. [Кондратьева 1990: 37–43]).

Еще один сугубо частушечный символ, сопрягаемый в текстах частушек с психологическими коллизиями военной тематики, – тугой клубок (*На окошечке клубочек, туго-натуго завит. Мой-от миленький в Германии за Родину погиб; На окошечке клубочек, точена иголочка. Разнесчастные германцы ранили милёночка*). Образ нередко детализируется (*На столе лежит клубок, а в клубке иголочка. Мой миленок на войне, на боку винтовочка; На окошке колубочек крепко-накрепко завит. Я не знаю, где мой миленький, в плену или убит*). Символ опять-таки отмечен в любовных частушках (*На окошечке клубочек, туго-натуго завит. Меня дроля не целует и другому не велит*); в этом случае его

смысл соотносим с общеязыковым переносным значением выражения *запутанный клубок*, который указывает на переплетение проблем, сложность дела. В текст частушки о гибели милого он вносит идею сугубо женского, мирного занятия, оттеняет мысль о противоестественности войны, одновременно передавая состояние девушки.

Как свидетельствует и тематическое содержание народной лирики о войне, и набор символических средств, используемых для комментирования связанных с войной событий, в фольклоре сохраняется архаичное отношение к войне. Фольклорно-языковой материал – языковая метафорика и устойчивые образы фольклора – характеризуют войну как абсолютное зло, бедствие, разбивающее судьбы людей; как демонизированную сущность. По этим данным война в народном сознании предстает как божья кара, как стихийное бедствие, напрямую не связанное с деятельностью людей. Война преодолевается самопожертвованием, страданием и любовью.

Примечания

¹ Статья подготовлена в рамках Программы стратегического развития Пермского государственного гуманитарного-педагогического университета, проект 006-П «Историческая память жителей Пермского края о советском прошлом», номер темы 2.1.2.

² В статье исследуется языковой и фольклорный материал, представленный в полевых и архивных записях Центра этнолингвистики ПГПУ 1990–2013 гг. В скобках указывается место фиксации – деревня/село/город и район (см. ниже список сокращений названий районов); такие указания отсутствуют для частушек, среда бытования которых достаточно широка.

Список литературы с сокращениями

Бердяев Н. Судьба России. М., 1918. 116 с.

Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 222 с.

Водарский В. А. Символика великорусских народных песен. Материалы (продолжение) // Русский филологический вестник. 1916. №1–2. С. 1–17.

Жуков К. А. Отражение концепта «война» в английских и русских поговорках // Вестник Новгородского государственного университета. 2005. №33. С. 82–83.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002. 352 с.

Кондратьева О. А. Гребень в погребальном обряде // Язычество восточных славян. Л., 1990. С. 37–43.

Маслова В. А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие. Минск: ТетраСистемс, 2004. 256 с.

Мурзо Г. В. Цветонаименование «серый» в контексте книги А.Н. Бенуа «История русской живописи в XIX веке» // Ярославский педагогический вестник. 2002. №1. URL: http://vestnik.uspu.org/releases/novye_Issledovaniy/13_4/ (дата обращения: 10.08.2013).

Подюков И. А. Зрячий образ войны // Астафьевские чтения. Современный мир и крестьянская Россия (Пермь, 19–21 мая 2005 г.). Пермь: Курсив, 2005. Вып. 3. С. 137–142.

Подюков И. А. Пир после победы. Война и мир В. Астафьева // Астафьевские чтения: сб. материалов. Пермь: Изд-во Мемориального центра истории политических репрессий «Пермь-36», 2009. С. 152–158.

СД – *Славянские древности: этнолингвистический словарь*: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Ин-т славяноведения РАН. 1995. Т. 2–3.

СРНГ – *Словарь русских народных говоров* / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова. М.; Л., 1965–2010. Вып. 1–43 [издание продолжается].

Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения. М.: Ладомир, 1999. 488 с. URL: http://lib100.com/book/religion/comparative_religion (дата обращения: 09.08.2013).

Эмер Ю. А. Концепт «война» в современном песенном фольклоре: когнитивно-дискурсивный анализ // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2012. Вып. 4. С. 59–67.

Эмер Ю. А. Фольклорный концепт: жанрово-дискурсивный аспект // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2010. №1(9), С. 94–99.

Условные сокращения районов Пермского края

Бер. – Берёзовский
Гайн. – Гайнский
Киш. – Кишертский
Красновиш. – Красновишерский
Куед. – Куединский
Кунг. – Кунгурский
Окт. – Октябрьский
Сол. – Соликамский
Усол. – Усольский
Юрл. – Юрлинский
Кос. – Косинский
Нытв. – Нытвенский
Кудымк. – Кудымкарский

PEOPLE'S VIEW OF THE IMAGE OF WAR
(on dialect and folklore Prikamye data of the end of 20 – beginning of 21centuries)

Ivan A. Podyukov

Professor of General Linguistics Department
Perm State Humanitarian Pedagogical University

Ekaterina N. Svalova

Post-graduate Student of General Linguistics Department
Perm State Humanitarian Pedagogical University

Characteristics of folklore dialect phraseology figurativeness and proverbial expressions related to the war theme and symbolism of omens of war and calamities are described in the article. The role of traditional and latest images and symbols in the texts of Prikamye war folklore (in chastushkas and lyric songs) is examined. The analysis of conceptual meanings of folk war metaphors is given, their stylistic peculiarities are described and their connection with the Slavic archaic conceptions is revealed. It is deduced that archaic notions of war in late folklore war texts are preserved and active use of traditional symbols of Russian ritual and lyric poetry in them is traced.

Key words: language and folklore of the Soviet Union epoch; linguistic concept; metaphor and symbol in folklore text; aesthetic peculiarities of a folklore word; linguistic and symbolic folklore; symbolism of contemporary chastushka.